

КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ

Лингвистическая наука достаточно часто обращается к выделению критериев идентификации того или иного языкового явления. Отнесение слов и выражений к эвфемистическим далеко не всегда является однозначным и бесспорным. Несмотря на многовековую известность в науке эвфемизмы так и не обрели четкого набора признаков, довольствуясь достаточно размытыми определениями. Учеными выделяются различные как по объему, так и по составу наборы признаков идентификации эвфемизмов, что связано с изучением данного явления в отдельно взятом аспекте. Различия в подходах изучения также становятся причиной отсутствия единообразия в решении данной проблемы. Субституционный подход, обуславливающий узкое понимание эвфемии, и более широкие толкования этого явления как продукта косвенной номинации, смены оценочной направленности, явления лингвопрагматического, социолингвистического и семантико-стилистического одновременно обусловили в совокупности проведенных исследований широкую палитру аспектов изучения и соответственно отсутствие единообразия в наборе критериев идентификации.

Современные исследования все больше склоняются к необходимости комплексного подхода к изучению данного явления, предполагающего утверждение взаимосвязи экстра и интралингвистических факторов, обуславливающих образование в языке эвфемистической номинации. Среди таковых выделяются в первую очередь социально-психологические и денотативно-сигнификативные факторы. Первые связаны с особенностями восприятия и оценки реальной действительности, вторые – с формированием новых концептуальных характеристик объектов в сознании человека в результате обновленной референции и, соответственно, – с изменениями концептуальной картины мира.

Детальный анализ существующих точек зрения позволяет выделить в качестве идентифицирующих следующие признаки эвфемизмов: экстралингвистические – отрицательный характер эмоций, вызываемый объектом номинации, социокультурная мотивируемость номинативного процесса замены одного имени другим, стремление к улучшению денотата антецедента и интралингвистические – стигматичность антецедента, положительная коннотативная семантика эвфемизма, семантическая редукция, вторичный характер номинации.

Ключевые слова: эвфемизм, критерии идентификации, субституционный подход, комплексный подход, экстра- и интралингвистические признаки

Эвфемизмы по своей природе представляют собой сложное и многоплановое явление. Ученые-лингвисты, занимающиеся изучением эвфемизмов, объясняют некоторые его особенности и свойства неоднозначно, уделяя, как правило, особое внимание какой-либо одной стороне вопроса. Анализ теоретического материала показал, что явление эвфемии описывается в лингвистических исследованиях чаще всего через призму какой-либо одной его грани: генетической, стилистической, функциональной или семантической стороны эвфемии.

Подходы к изучению явления эвфемистических замен разнообразны и многочисленны и зависят напрямую от того аспекта, который подвергается исследованию и анализу. Наиболее распространенным в лингвистических исследованиях является субституционный подход, что объясняется широко поддерживаемым пониманием эвфемизма как субститута «плохого» слова.

Определение эвфемизма в рамках данного подхода находится в Лингвистическом Энци-

клопедическом Словаре: «Эвфемизмы – это эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми и нетактичными» [16, с. 578]. Данный подход реализует узкое понимание природы эвфемии, признавая в качестве основы данного явления процесс субституции – замены «плохого» слова более удобным и подходящим к ситуации. Такую точку зрения легко объяснить тем, что зачастую эвфемизмы относятся учеными к языковым средствам с переносным значением, т.е. определяются как представители подкласса метафоры.

Среди отечественных представителей субституционного подхода можно назвать таких ученых, как Л.В. Грехнева, Г.А. Макарова, А.А. Нефедова. Одним из недостатков такого подхода к изучению эвфемии можно назвать тот факт, что не во всех случаях можно определить, какое слово было заменено, поскольку не во всех случаях антецедент является известным. В рамки данного подхода не вписываются случаи, когда у эвфе-

мизма нет слова-эквивалента, а для толкования семантики используются описательные обороты. При таком подходе любое слово или выражение становится субститутом, т. к. может быть описано с помощью средств дефиниции.

Такие авторы, как А.М. Кацев, И.В. Арнольд, видят в процессе эвфемизации отдельный случай косвенной номинации, что является характерной чертой широкого подхода к исследованию эвфемизмов. Согласно Лингвистическому Энциклопедическому Словарю под редакцией В.М. Ярцевой «косвенное наименование менее тесно и привычно связано с предметом высказывания, в нем предполагаются побочные ассоциативные связи с иным содержанием» [16, с. 578].

Такие западные ученые как Д. Кристал, Р. Холдер, Х. Роусон также являются сторонниками широкого понимания эвфемии и не проводят в своих трудах деления на мелиоративы и собственно эвфемизмы. Например, словарь «The Oxford Companion to the English Language» дает следующее определение: «Euphemism - mild comforting or evasive expression that takes place of one that is taboo, negative or too direct» («Эвфемизм – мягкое утешительное или уклоняющееся выражение, которое занимает место табу, негативного или слишком прямого выражения», перевод наш).

Автор известного словаря английских эвфемизмов Р. Холдер видит главный критерий отбора лексических единиц для возведения их в ранг эвфемизмов в оценочной направленности со знаком «+». Многие ученые считают также, что четкое выделение критериев для идентификации единицы языка как эвфемизма является невозможным, и считают правомерным говорить лишь об особенностях данного языкового явления, к которым относят стигматичность денотата, создание положительной коннотации, сохранение истинности высказывания [2, с. 11].

Е.П. Сеничкина указывает на несколько дополнительных признаков: семантическую неопределенность эвфемизма, позволяющую смягчать негативную оценку денотата, неисключительно формальный характер улучшения денотата, что позволяет адресату понять, о каком предмете или явлении на самом деле идет речь [13, с. 77–78].

В ситуациях, когда употребленному для «сглаживания углов» эвфемизму не удастся сохранить связь с денотатом, говорят, как правило, не об эвфемистических средствах, а об обычном намерении исказить истину. Иными словами, по мнению многих исследователей, для того, чтобы лексическая единица считалась эвфемистической, она должна обладать всеми из названных выше признаков, а именно, стигматичностью денотата, наличием положительной коннотации, сохранением истинности высказывания, семантической неопределенностью, формальным характером улучшения денотата.

Помимо названных подходов среди отечественных и зарубежных ученых-лингвистов наблюдается также интерес к комплексному изучению эвфемии при учете как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов. Попытки дать комплексную характеристику эвфемизмов приводят ученых к вопросам об их происхождении и развитии значения, изменении в значении замененного эвфемизмом слова, природе субститута (т.е. «имени предмета»), функции эвфемистического средства и др.

Совокупность всех названных факторов, учитываемых в рамках одного исследования, вполне может определить комплексный характер исследования. Представителями данного подхода являются такие ученые, как З. Лухтенберг, А.М. Кацев, Л. Крысин, Э. Партридж, В.П. Москвин, В.В. Елисеева. В своих работах они исследуют явление эвфемии исходя из прагматического, социолингвистического и семантико-стилистического аспекта. Следует, однако, отметить, что названные авторы склонны преуменьшать положительную природу эвфемизма в синхронии.

Анализ теоретической литературы подтверждает необходимость учета как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов: первые из них оказывают влияние на формирование и процесс функционирования эвфемизмов, а вторые оказывают воздействие на прямую связь с антецедентом.

Подчеркивается, что данные факторы подлежат рассмотрению только в их взаимосвязи и никак не по отдельности, поскольку сам эвфемизм находится в точке их пересечения. По мнению Э.Г. Ризель, «вскрыть же особенности того или иного вида перефразирования

можно лишь на основании анализа внешних и внутренних отношений между тем, что подлежит иносказанию, и тем, как оно лингвистически осуществляется» [12, с. 125].

Современные авторы лингвистических исследований понимают термин «эвфемизм» ставят в прямую зависимость от их денотативной отнесенности. Также ученые указывают на то, что трактовать эвфемизмы необходимо только при учете мотивов и причин их употребления. Такую взаимообусловленность Н.М. Бердова в своей работе «Эвфемизм в современном немецком языке» называет взаимообусловленностью социально-психологических и денотативно-сигнификативных факторов. Автор пишет, что «социально-психологические факторы связаны с объективно-логическим или эмоционально-оценочным восприятием «мира» денотатов в зависимости от социально-коммуникативной ситуации; денотативно-сигнификативные – с «преобразованием» денотативного мира в нашем сознании в соответствующие языковые формы» [5, с. 35].

Как уже было указано выше, важнейшим признаком эвфемии является *обозначение эвфемизмом отрицательного в сознании носителя языка денотата*.

В работах исследователей явления эвфемии указывается на спорность вопроса о том, что именно «мотивирует» появление эвфемизма. Одни ученые говорят, что это сам предмет в совокупности его положительных или отрицательных свойств, другие видят причину в имени этого предмета. Ответ на данный вопрос кроется в определении объекта эвфемизации.

По мнению некоторых ученых (М. Гассер-Мюльгайм, Ч. Кейни, А.М. Кацев) эвфемистической замене обычно подвергаются явления языка, которые относятся только к негативно окрашенному денотату.

По мнению Н.М. Бердовой, имя не любого предмета нуждается в замене эвфемизмом, а лишь предмета особого вида, который отмечен стигмой [5, с. 28]. Иными словами, эвфемистической замене чаще всего подлежат денотаты, воспринимаемые социумом как отрицательные и неприемлемые. В этой связи необходимо указать на взаимозависимость денотативных и вербально культурных факторов, изучение которой приводит к выводу о том, что стигматичность

самого денотата «диагностируется» его ценностной природой (этическими, эстетическими и социально-культурными нормами).

Стоит отметить, что процесс замещения стигматичной единицы является завершенным в том случае, когда эвфемизм полностью камуфлирует все отрицательные ассоциации со стигматично-некорректным антецедентом.

Само понятие стигмы в лингвистических исследованиях появилось относительно недавно, впервые оно было изучено в работах М. Гассер-Мюльгайма «Soziale Aufwertungstendenzen in der Deutschen Gegenwartssprache» и Э.Готтмана «Über die Techniken der Bewältigung beschädigter Identität». «Под стигмой понимается отрицательное качество или свойство предмета, нашедшего свое обозначенное отражение в *verbum proprium*, то есть в существующем собственном наименовании предмета, его антецеденте» [5, с. 36].

Следует также отметить, что стигматичность денотата является меняющимся в ходе истории концептом. Она находится в зависимости не только от свойств обозначаемого предмета, но и от ситуации в обществе – моральных норм и правил, ценностей, традиций. Именно исходя из этих факторов говорящий дает денотату помету «стигматичен».

Обобщая сказанное, следует указать на тот факт, что слово не может быть отрицательным, или неприемлемым само по себе. Лишь в зависимости от коммуникативной ситуации, оценке «+» или «-» слово получает вследствие процесса его привязывания к денотату-стигме, так как этот процесс и феномен номинации в языке напрямую связан с «предметом через мышление» (по Н.М. Бердовой) и представляет собой «обозначенное отражение» (по Л.О. Резникову) или «единство значения и материала знака» (по И.С. Нарскому).

Стигматичность денотата является основанием для идентификации тех или иных антецедентов неприемлемыми, нежелательными, неуместными и заключения, что тот или иной антецедент нуждается в завуалировании, скрывании. Именно это обстоятельство и является причиной появления эвфемизмов – закамуфлировать, скрыть предмет, который в результате мыслительной деятельности говорящего был соотнесен им со стигматичным денотатом. Этот

факт является веским основанием для отнесения критерия «нейтрализации стигматичности денотата» к одному из главных критериев идентификации эвфемизмов.

Следующим критерием идентификации эвфемизма является *семантическая редукция* негативной смысловой нагрузки эвфемизма. Под семантической редукцией зачастую понимается сокращение/уменьшение в данном случае негативной оценки или смысловой нагрузки эвфемизма по сравнению с его антецедентом (прямым переименованием). Таким образом, концептуальное содержание эвфемистического средства (его понятийное содержание, его сигнификант) имеет сниженный уровень семантической определенности. По словам Е.И. Шейгал, «семантический механизм эвфемизации связан с редукцией или изменением статуса сем, мотивирующих отрицательную оценку» [15, с. 163]. Исследователь Е.П. Сеничкина, в свою очередь, пишет, что «семантическая редукция не подразумевает сокращение смысла, а скорее – оценочную минимальность и неопределенность» [13, с. 98].

Отрицательный характер эмоций также выделяется учеными как критерий идентификации эвфемизма. Данный критерий напрямую связан с психологическим восприятием стигматично окрашенных денотатов. В этом случае говорящий формирует свое отношение к денотату через положительную или отрицательную оценку его качеств и ценностей, которые он в себе несет. Результатом такого оценочного процесса является выражение идеи/мысли через социально приемлемые (например, эвфемизмы) или социально недопустимые языковые выражения (например, непристойная или нецензурная лексика, вулгаризмы и т.п.).

Общеизвестным фактом является то, что все эмоции, испытываемые человеком, можно разделить на две основные группы – положительные и отрицательные. Так, В.И. Агамджанова в своей работе «Контекстуальная избыточность лексического значения слова» приводит схему эмоций, где делит их на две зоны и приводит примеры [1, с. 78–81].

По мнению многих ученых-лингвистов, именно эмоции, вызываемые у говорящего/адресанта сообщения различными видами стигм, являются психологическим стимулом к

употреблению в своей речи средств эвфемии. К таким психологическим стимулам эвфемии мы можем отнести страх, стыд, отвращение, нежелание говорить или же чувство такта. Очевидным является тот факт, что с точки зрения психологии человека применение эвфемизма является так называемой защитной реакцией на явления и предметы реальности, которые приходится адресанту «не по душе». Данный критерий обозначается в лингвистических работах как «коммуникативно-направленная смена отрицательных коннотаций» [5, с. 23].

Следующим критерием эвфемии называется ее *способность к улучшению денотата по сравнению с антецедентом*. А.М. Кацев утверждает, что «для того чтобы стать эвфемизмом, новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [6, с. 57].

Социокультурная детерминированность эвфемизмов также имеет большую значимость при изучении явления эвфемии. Применимость и допустимость тех или иных слов или выражений всегда напрямую зависит от социума, от социальных условностей. Иными словами, эвфемизмы всегда несут в себе дополнительную социальную нагрузку, так как их формирование всегда протекает под воздействием социальных условий и условностей, которые, в свою очередь, утверждаются культурой и ее нормами в обществе (приемлемость/неприемлемость, корректность/некорректность, пристойность/непристойность слова и выражения).

Немаловажную роль в определении допустимости и уместности эвфемистических средств играет такой фактор как «социальная значимость единицы языка», которая, в свою очередь, определяется такими категориями, как общество, имеющаяся в обществе атмосфера, частота употребления данного слова, а также как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами.

Ученый А.М. Кацев в своих работах по исследованию эвфемии указывает на лингвистические критерии идентификации эвфемизма. К ним он относит, во-первых, *вторичную номинацию*. Под вторичной номинацией понимается использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функ-

Таблица – Алгоритм разграничения эвфемизмов и смежных явлений

Негативный денотат	Улучшение денотата	Сохранение истинности и информативности высказывания	Явление
+	+	+	Эвфемизм
-	+	+	мелиоратив/ троп/ криптолалия
+	+	-	ложь/ манипуляция
+	-	+	дисфемизм

ции – функции наречения [14, с. 15]. При этом «в качестве главной предпосылки применения вторичной номинации служит ассоциативное сходство денотатов объединяемых реалий; даже если оно незначительно – возможно осуществить вторичное название, которое происходит за счет установления общих (интегрирующих) признаков, позволяющих объединить определенные реалии в один класс» [3, с. 6]. Применительно к явлению эвфемии этот принцип находит свое отражение в том, что эвфемистическое переименование возможно лишь при наличии определенных концептуальных связей, обеспечивающих взаимодействие исходного концепта и концепта, представляемого единицей вторичной номинации. По мнению Е.Ф. Ворно и М.А. Кашеевой, «эвфемизмы – это слова или парафрастические (описательные) выражения, созданные в качестве синонимов к прямым наименованиям предметов или явлений и заменяющие эти прямые наименования» [3, с. 8]. Ведущим критерием здесь является косвенность номинации.

Следующим лингвистическим критерием А.М. Кацев называет *негативную оценочную коннотацию*. Данный критерий подразумевает отрицательную оценку денотата, которая должна быть заменена на положительную оценку с помощью эвфемистического языкового средства. Этот критерий соотносится с критерием стигматичного денотата, поскольку в их основе лежат один и тот же принцип выделения [7, с. 58].

В качестве примера идентификации языкового средства как эвфемистического приведем алгоритм, предлагаемый А.М. Никитиной [9, с. 45] (таблица).

Как следует из таблицы, исследователь к основным критериям эвфемизмов добавляет еще один критерий – сохранение истинности и информативности высказывания. По мнению автора, языковое явление представляет собой категорию эвфемии, если, во-первых, оно несет в себе отрицательно-коннотированное значение (стигматичный денотат), что делает возможным отличить его от таких схожих языковых явлений, как мелиоративы и криптолалии (использование номинативных средств языка в конспиративной или криптофорной функции с целью скрыть содержание речи от третьих лиц). Во-вторых, средство эвфемии должно иметь положительную или просто нейтральную природу (коннотацию) в сравнении со своим антецедентом. В-третьих, эвфемизмы делают денотат лучше, но при этом не искажают его природы и истинности, «меняя форму преподнесения, эвфемизм не меняет референт» [9, с. 18].

Таким образом, процесс идентификации языковой единицы как эвфемизма, на наш взгляд, возможен по критериям, которые могут быть разделены на две группы: экстра- и интралингвистические критерии идентификации эвфемизма. К *экстралингвистическим критериям* мы относим отрицательный характер эмоций, вызываемых объектом номинации, социокультурную детерминированность/ мотивируемость новой номинативной единицы, стремление к улучшению денотата антецедента. К *интралингвистическим критериям*, в свою очередь, относятся стигматичность антецедента, нейтральная или положительная коннотация имени эвфемизма, семантическая редукция и вторичность номинации.

29.09.2017

Список литературы:

1. Агамджанова, В.И. Концептуальная избыточность лексического значения слова / В.И. Агамджанова. – Рига, 1977. – 123 с.
2. Аймолдина, А.А. К вопросу об исследованиях явления эвфемизма и его классификаций / А.А. Аймолдина // Инновационные технологии в теории и практике преподавания языка и литературы: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции. – Астана, 2009. – С. 11-15
3. Бабина, Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке / Л.В. Бабина. – Тамбов, 2003. – 341 с.
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
5. Бердова, Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке / Н.М. Бердова. – Киев, 1981. – 230 с.
6. Кацев, А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания / А.М. Кацев. – Ленинград, 1977. – 190 с.
7. Кацев, А.М. Эвфемизмы и синонимия / А.М. Кацев // Научный труд. – Омский Государственный Педагогический Институт им. А.М. Горького, вып. 1, 1976. – с. 166-172.
8. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах // Б.А. Ларин. – Л.: Ленинградский Государственный Университет, 1961. – 124 с.
9. Никитина, А.М. Эвфемизмы в речи учителя как средство гармонизации педагогического дискурса / А.М. Никитина. - Москва, 2015. – 214 с.
10. Обвинцева, О.В. Эвфемизм в политической коммуникации: на материале английского языка в сопоставлении с русским / О.В. Обвинцева. – Екатеринбург, 2004. – 192 с.
11. Орлова, С.Н. Когнитивно-дискурсивный анализ эвфемизмов в заголовочных комплексах британского и австралийского национальных вариантов английского языка (на материале экономических печатных СМИ) / С.Н. Орлова // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук. – Москва, 2012. – 22 с.
12. Ризель, Э.Г., Шендельс, Е.И. Стилистика немецкого языка / Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс // Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – Москва, 1975. – 316 с.
13. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка / Е.П. Сеничкина. – Москва, 2006. – 120 с.
14. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия. – Москва, 1997. – 305 с.
15. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.
17. Ярцева, В.М. Лингвистический энциклопедический словарь / В.М. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

Сведения об авторах:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии и журналистики
Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, доцент
E-mail: solodilovaira16@gmail.com

Соколова Т.Ю., сотрудник отдела международного сотрудничества и образования
Оренбургского государственного университета
E-mail: sokolova.ty89@yandex.ru
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13